

№ 46 март 1955

крыш,—разумеется, всё это требовало от нас напряженных усилий. Но в области театра вставал вопрос не только о зданиях. Театр вырождался, в нем царили чудовищные грубость и глупость...

— Из тех молодых актеров, которые пришли в театр при гитлеровском режиме,— добавляет Элен Вейгель,— многие походили на гитлеровские плакаты, изображавшие, так сказать, «идеальный тип нациста». Просто ужас брали!.. У них не было лица. Надо было дать им лицо или найти таких актеров, у которых оно было.

И вот Элен Вейгель и Брехт припились искать актеров и актрис, способных вдохнуть жизнь в этот новый театр, который должен был родиться среди развалин. Еще и до сих пор, десять лет спустя, у обоих вдохновителей нового театра на первом плане стоит забота о своих питомцах, и они воспитывают их с терпеливой любовью, не жалея сил и времени.

В большинстве своем эти актеры моложе тридцати лет; они выросли при гитлеровском режиме, воспитались в духе фашистской идеологии. Кое-кто из них состоял даже в гитлеровских союзах молодежи. А теперь, страстно увлеченные творческой жизнью театра, который служит новому пониманию человеческих взаимоотношений, они принялись за работу со всем пылом молодости. Большинство из них не состоит ни в какой партии и «не занимается политикой», однако все они сознают, что являются участниками построения нового общества, которое даст им возможность творческого расцвета. Через новую эстетику им открывается новая этика.

ДЕНЬ ЭЛЕН ВЕЙГЕЛЬ

Элен Вейгель в своем кабинете. В этой комнате стоит старинная мебель, и все вещи в ней подобраны с любовью. На стене висит

рисунок Пикассо. На столе оловянное блюдо — громадная пепельница, которая никогда не бывает пустой. Широкая раздвижная дверь, створки которой бесшумно скользят в пазах, ведет в просторную комнату двух секретарей. Венецианское окно, уставленное зелеными растениями, выходит во двор театра — тут тоже идет стройка: перестраивают разрушенную школу, приспособивая ее под добавочное помещение для репетиций.

Девять часов утра. Вчера вечером Вейгель глубоко взволновала зрителей своим проникновенным воплощением образа скромной труженицы — матери рабочего Павла Власова из повести Горького «Мать», переделанной Бертольдом Брехтом в пьесу. Сегодня вечером она выступит в роли холодной и порочной женщины — княгини из последней пьесы Брехта *Магический круг*, поставленной театром. А утром Элен Вейгель, одетая в темное, простое и удобное платье, покроем немного похожее на крестьянское, опять становится директором театра, руководительницей большого предприятия, у которой трезвый расклад сочетается с горячим сердцем.

Зал театра на Шифбауэрдам, где расположился *Берлинский ансамбль*, расписан на девятьсот мест. В других театрах каждый вечер обычно половина билетов идет по абонементу. Элен Вейгель изменила в своем театре эту систему. Она оставляет для продажи по абонементу только треть всего числа мест, причем, покупая абонемент, зритель сам выбирает пьесы, которые он хочет посмотреть. Таким образом Элен Вейгель смело пускает в разовую продажу две трети всех билетов. Опыт можно считать удавшимся, так как каждый вечер труппа играет перед полным залом, и публика состоит из зрителей обеих зон Берлина.

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Но ведь *Берлинский ансамбль* — это не только зрелищное предприятие, у которого имеются свои финансовые дела и заботы о репертуаре, где чередуются в среднем пять пьес. Это очень сложное учреждение, и в нем насчитывается немало отделов: отдел драматургии (к которому Брехт стоит ближе всего), отдел печати, отдел фотографии, архив, отдел рекламы. Есть отдел, который занимается выступлениями труппы вне стен театра — гастрольными поездками, утренниками на клубных сценах, организует любительские спектакли, детские постановки и т. д. Есть еще технический отдел и бухгалтерия, хозяйственный отдел, столовая и мастерская, где изготавливают реквизит. Кроме того, в помещении театра нашли себе приют Комитет антрепризы и Комитет Мира.

Все пути этой многообразной деятельности сходятся в кабинете Элен Вейгель и, переплетаясь, образуют основу ее рабочего дня. Тут все перемежается и смешивается — вопросы театральной техники и вопросы человеческой души, вопросы творческие и вопросы финансовые. Огромная пепельница на столе Элен Вейгель не пустеет; посетители следуют один за другим; Вейгель остается совершенно спокойной, с каждым беседует не спеша, как будто в сутках не двадцать четыре часа, а сорок восемь.

Подписывается, например, договор с молодой актрисой, найденной в провинции, и Элен Вейгель тревожится, как получить устроить нового члена коллектива в городе, который только что отстраивается. Расторгается контракт — директору опять забота: надо тепло проводить члена актерской семьи, расставшегося с труппой.

Звонит телефон. На этот раз речь идет о каком-то личном деле,

Набросок для постановки «Магического круга».

касающемся двух совсем молодых актеров. Элен Вейгель предстоит разрешить сложный вопрос, и она, конечно, сделает это с присущим ей здравым смыслом и сердечностью, как это сделала бы сама *Матушка Кураж*.

Вопрос технический: электромонтер сообщает, что часто портятся трансформаторы. Выясняется, что одна из деталей трансформатора не соответствует общепринятому стандарту, — и по этому поводу Элен Вейгель решает написать в министерство промышленности.

Дальше речь заходит о столовой для артистов и служащих театра, которая устроена в большом изысканно отделанном артистическом фойе; размещенные тут громкоговорители дают возможность следить за ходом спектакля или репетиции. Читая, обедая или разговаривая, актер всегда может знать, сколько у него еще осталось времени до выхода на сцену. На несколько дней столовая закрылась; нужно подыскать для нее новую хозяйку-повариху и разработать план повышения доходности столовой, чтобы она не обременяла бюджет театра. Задача нелегкая, цены в этой артистической столовой очень скромные, и ни в коем случае ее

№ 46 март 1955

не собираются превращать в коммерческое предприятие.

Соображения бюджетного порядка возникают и в связи с работами по восстановлению «руины», которая должна превратиться в новую сцену для репетиций, ибо существующий сейчас в пристройке репетиционный зал уже не достаточен для все увеличивающегося числа новых постановок. Администратор приносит планы и сметы... Пока что Элен Вейгель приходится отказать от осуществления своей мечты — надстроить еще один этаж, чтобы там были комнаты для актеров, приезжающих из провинции.

Входит представитель профсоюза. Он просит Элен Вейгель оказать содействие в организации вечера с участием актеров театра. Потом является Барбара, дочь Элен и Бертольда Брехта, ей хочется показать костюм, в котором она будет выступать в молюеровском *Дон Жуане*.

Элен Вейгель провожает Барбару долгим нежным взглядом. Артистка, которая столько раз играла роль матери в различных пьесах, в эту минуту просто мать своего ребенка.

НАЧИНАЕТСЯ СПЕКТАКЛЬ...

Одиннадцать часов. Директор театра Элен Вейгель уходит из кабинета и спускается по лесенке

в пристройку, где она будет репетировать вместе со своими товарищами. Через несколько дней возобновляется постановка пьесы Брехта *Винтовки госпожи Каррар* — действие происходит в Испании во время гражданской войны. Когда-то Элен Вейгель сама ставила эту пьесу, выступала в ней, знает каждое слово, каждую мизансцену. Однако она выслушивает указания молодого режиссера с таким же вниманием, как и все прочие актеры, и так же, как они, подчиняется дисциплине.

На репетицию собрались все, даже те, кто не занят в спектакле. Актеры, в большинстве своем молодые, обращаются друг к другу на «ты». Между ними нет ни зависти, ни соперничества. Разумеется, начинающий актер зарабатывает значительно меньше мастера театрального искусства. Но вся иерархия стирается перед творческими задачами. Это не такая труппа, где актеры удовлетворяются ролью безликого фона, на котором блещет одна лишь prima-donna.

Два часа дня. Элен Вейгель возвращается домой позавтракать (в Берлине завтракают очень поздно) и отдохнуть несколько часов. Спектакли начинаются в семь часов, самое позднее — в половине восьмого. Кончатся они в половине одиннадцатого — в одиннадцать часов вечера. К шести часам Элен Вейгель снова в театре, — на этот раз только как актриса, — и снова своей игрой она захватит притихший зрительный зал, раскрывая со сцены забываемые образы *Матушки Кураж*, *Матери Горького*, испанки в пьесе *Винтовки госпожи Каррар*, женщины-матери, отважной, скромной, полной великого гнева и скорби, и образ нравственного уроды — княгини в пьесе *Магический круг*.

Лило Дамерт